

НАЗАД В АФГАН. 30 ЛЕТ ОКОНЧАНИЮ ВОЙНЫ

ТРАГЕДИЯ В УЩЕЛЬЕ ШАЕСТА

Алескендер РАМАЗАНОВ

**В НАЧАЛЕ АВГУСТА 1980 ГОДА ПОД ГОРОЙ ШАЕСТА
ПОГИБЛО ОКОЛО ПОЛУСОТНИ НАШИХ БОЙЦОВ**

Алескендер Энверович Рамазанов

Трагедия в ущелье Шаеста

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40513463
Трагедия в ущелье Шаеста: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-100148-3

Аннотация

Афганская военная кампания только началась. У наших солдат и офицеров еще не было необходимого боевого опыта. Можно сказать, наши парни еще не знали, каково это – когда стреляют в тебя по-настоящему. Наши офицеры еще не знали, что небольшая ошибка, невнимательность, а порой и банальное разгильдяйство на войне могут обернуться огромными потерями. И это случилось... В начале августа 1980 года в ущельях между кишлаком Карасдех и горой Шаеста погибло около ста советских солдат и офицеров 201-й мотострелковой дивизии. Большей частью потери легли на 783-й отдельный разведывательный батальон: третьего августа разведчики потеряли сорок семь человек убитыми и сорок восемь ранеными. Между тем исторический формуляр 201-й дивизии и архивы 40-й армии об этих массовых убийствах наших воинов не упоминают ни словом. Автор проводит расследование и пытается понять: что же произошло в те страшные дни и почему об этом так упорно молчит официальная история?

Содержание

Трагедия в ущелье Шаеста	5
Пролог	5
Бой, которого не было	9
«Расстреляли сверху, как в кино»	10
«Начальникам хотелось орденов»	12
149-й гвардейский Ченстоховский	13
Краснознаменный ордена Красной Звезды	
мотострелковый полк	
Ефрейтор Петровский	14
«Дошман нис!»	16
Мятежный Кишим	19
«Распяли по-афгански»	21
Гвардии старший лейтенант Виталий	26
Назаренко	
«Похоронка»	28
Александр Кривов, 783-й орб	29
«Выдай эти события за Отечественную...»	31
«Лучше не спрашивай!»	34
О «Воинской доблести» и военной цензуре	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алескендер Рамазанов

Трагедия в ущелье Шаеста

© Рамазанов А. Э., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Трагедия в ущелье Шаеста

Пролог

В начале августа 1980 года в ущельях между афганским селением Карасдех и горой Шаеста погибло около ста советских солдат и офицеров из 201-й мотострелковой дивизии. Основные потери пришлось на 783-й отдельный разведывательный батальон: третьего августа разведчики потеряли сорок семь человек убитыми и сорок восемь ранеными.

Между тем исторический формуляр 201-й дивизии, архивы 40-й общевойсковой армии и другие открытые документальные источники об этих боях не упоминают ни словом.

Что скрывается за тридцатью годами молчания?

Из событий же всенародно известных в этот день упомянем закрытие XXII Олимпийских игр в Москве. Говорят, древние греки во время Олимпиад не воевали...

«Участникам боя 3 августа 1980 года у населенного пункта Шаеста и всем служившим в 1980–1982 гг. в 783-м отдельном разведывательном батальоне 201-й мотострелковой дивизии (войсковая часть полевая почта 53336).

В середине 90-х годов, собирая материалы для книги о 201-й дивизии, я не нашел сведений о событиях 3 августа

1980 года в историческом формуляре соединения. В 2003 году мне сообщили, что в архиве Министерства обороны в Подольске сведения об этом бое также отсутствуют. А ведь тогда в один день погибло свыше 50 военнослужащих.

В «Книге Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане» есть явные неточности, разночтения в описании обстоятельств боя у Шаеста. К тому же, согласно описаниям подвигов, ряд погибших достоин звания Героя Советского Союза или ордена Красного Знамени. Но почти все они были посмертно награждены орденами Красной Звезды.

Прошу также пояснить, где находится населенный пункт Шаеста? На карте (масштаба 1 см: 2000 м) есть только гора и река с таким названием.

Почему «молчит» исторический формуляр дивизии? Почему в архиве Министерства обороны нет сведений об этой операции? Кто и зачем ее спланировал? Возникает и много других вопросов.

Ваши воспоминания могли бы восстановить истинную картину боя у Шаеста».

Такое письмо было мною размещено в Сети на сайте «Ветераны боевых действий в Афганистане». Последующая переписка, встречи, записи бесед, копии документов составили основу этой книги. Должности и воинские звания указаны по состоянию на август 1980 года.

Разумеется, я должен предупредить, что предлагаю вни-

манию читателя частные мнения, воспоминания и собственную реконструкцию событий тридцатилетней давности. Конечно, лучше бы пронумерованное и прошнурованное дело, да с лиловыми печатями. Но увы! Есть у этих дней только одна печать: молчания.

Склоняя голову перед погибшими и живыми героями Шаеста, автор лелеет надежду, что публикация будет полезна и тем, кого интересы государства и собственные убеждения еще, не дай бог, приведут в чужие горы с оружием в руках. Здесь вот какое соображение: если уж не хватит смелости избежать войны, то пусть помогут мудрость и оплаченный кровью опыт сократить потери.

И еще. В порыве облагодетельствовать целый народ своим пониманием «интернационального долга» принимавшие решение о вводе наших войск в соседнюю страну «кремлевские старцы», а с ними и военные чины пониже рангом забыли одну простую, старую как мир истину. Можно воевать с блестяще обученной армией. С народом воевать нельзя. На осознание этой истины ушло десять лет. И оплачено оно было жизнью почти пятнадцати тысяч солдат и офицеров. Бойцы, павшие в бою, которого вроде бы и не было, одними из первых открыли этот скорбный счет.

Для справки. Населенного пункта с названием Шаеста нет на самых подробных картах. Так именуются вершина (высота 3400 м в северо-западной части горного массива Шахмулау) и речушка, берущая начало

у горы Шаеста. Но когда пришла пора держать ответ за разгром батальона, писать похоронки и наградные, с чьей-то легкой руки возник несуществующий «н.п. (по-военному – населенный пункт. – *Прим. авт.*) Шаеста». В некоторых документах Шаеста именовалась «д.» – деревня. Не будьте строги по поводу «деревни», такого названия на Востоке просто нет, – это был 1980-й, первый год знакомства с Афганистаном.

Бой, которого не было

Нет ничего дороже, чем свидетельства участников тех трагических событий. В них нет вранья. В них напрочь отсутствует стремление угодить сильным мира сего. В них – беспощадная правда войны, густо замешанная на крови, пропитанная пылью афганских гор. Низкий поклон всем, кто помог хотя бы частично восстановить истину, вернуть из небытия имена тех, кто по воле случая и в силу беспечности «ряда должностных лиц» шагнул тогда навстречу смертельному вееру душманских пуль.

«Расстреляли сверху, как в кино»

(Сергей Подъячев, 860-й омсп, Файзабад)

«О Кундузском 783-м разведбате. Слышал, что это было в верховьях Тешканского ущелья. Хотя в секретной части была книга об опыте боевых действий в Афганистане (часть 2; батальон – рота). Так там описывалось ущелье в районе Калавган. Батальон зашел в ущелье и двигался по дну ручья. Одна из рот шла по соседнему, параллельному, ущелью. По хребту не отправили свои дозоры. «Духи» сели на хребтах и, как в кино, расстреляли сверху. Связи не было: в ущельях УКВ-связь работает плохо, а тяжелую КВ-станцию повесили на ишака, и потом к нему в ходе боя никто не мог подойти и связаться со своими. Вдруг это про тот случай?»

Для справки. Устами автора этого письма «глаголет истина». Горькая, разумеется, как и все истины военного искусства (или бездарности). Дело в том, что моджахеды, большие мастера засад, ловили воинов-интернационалистов на двух ошибках: незнании местности и трепетной вере в то, что «командирам виднее». На самом деле в горной местности «виднее» тому, кто засел выше.

Опыт же поражений, как правило, оказывался невостребованным, поскольку едва обстрелянного солдата через полтора года службы увольняли. То же и офицер: через два года он увозил боевой опыт

Афганистана в Советский Союз. И немало досаждал в буднях армейской жизни всем, от рядового и до маршала, пытаясь его применить. Вот и хранился опыт в секретных частях!

«Начальникам хотелось орденов»

(Старший лейтенант Олег Черемных, замполит роты, 149-й гв. мсп 201-й дивизии)

«К большому сожалению, погибло много солдат и офицеров из-за авантюры двух начальников. Прямо скажу: этим начальникам хотелось орденов и должностей. Ладно, с нашим батальоном и полком – понятно. А вот почему разведчики наступили на эти «грабли» вторично, понять не могу. Но они повторили все наши ошибки, вплоть до этих проклятых выючных животных. Только у нас был мул, а у них ишак.

Первым тогда в район Яварзана вышел батальон нашего 149-го полка. Двадцать девятого июля мы получили приказ: совместно с батальоном афганцев выдвинуться на боевых машинах пехоты в район Тулукана. Там оставить технику, зампотехов рот и механиков-водителей, а пехоте прочесать населенные пункты вокруг Яварзана. Официальная причина боевого выхода такова: поиски рядового из танкового батальона, который пропал без вести, кажется, в конце мая. А потом поступила информация, что он удерживается бандой где-то у Шаеста. По карте это уже провинция Бадахшан. Фамилия пропавшего бойца – Петровский, если не изменяет память».

149-й гвардейский Ченстоховский Краснознаменный ордена Красной Звезды мотострелковый полк

(Историческая справка)

Полк формировался в мае 1941 года в городе Первомайск Одесской области. 6 августа 1941 года полк с марша атаковал моторизованные части противника в Киеве, принимал участие в обороне города. В августе – сентябре сдерживал наступление немцев в районе города Конотоп.

С марта по сентябрь 1942 года полк принимал участие в боях на Харьковском направлении.

В 1943 году участвовал в битве под Сталинградом.

24 июня 1943 года полку вручено гвардейское знамя.

В 1944 году участвовал в освобождении городов Кировоград, Первомайск, форсировал реку Буг.

В январе 1945 года полк овладел польским городом Ченстохов и получил почетное наименование «Ченстоховский».

7 мая 1945 года овладел городом Дрезден, за что награжден орденом Красной Звезды.

9 мая 1945 года вступил в Прагу.

В 1956 году полк принимал участие в венгерских событиях, в 1968 году – в чехословацких.

15 февраля 1980 года полк был передислоцирован в Афганистан.

3 марта 1983 года за успешное выполнение боевых задач на территории Афганистана полк награжден орденом Красного Знамени.

В 1989 году полк выведен в Таджикистан (г. Куляб), где с 1990 по 2006 год выполнял боевые задачи по восстановлению конституционного строя в Республике Таджикистан, нес дежурство на юго-восточных участках таджикско-афганской границы. Впоследствии полк вошел в состав 201-й российской военной базы в Таджикистане.

Ефрейтор Петровский

В «Книге Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане» (т. 2, стр. 708) читаем: «Петровский Виктор Александрович, ефрейтор, род. в 1960 году в г. Новомосковске Днепропетровской обл. УССР, украинец. Призван Новомосковским РВК 3.11.78. В Респ. Афганистан с декабря 1978 г. Пропал без вести 3.5.1980 в провинции Бадахшан».

Ефрейтор Петровский так и остался в списках потерь афганской войны без вести пропавшим. Его активно искали в мае – июне, но, кроме следов солдатских ботинок в направлении ближайшего селения, ничего не нашли. В конце июля из афганских источников поступили сведения, что Петровский жив и удерживается бандой в окрестностях горы Шаеста.

Число пропавших без вести советских военнослужащих,

по разным источникам, оценивается от 280 до 300 солдат и офицеров. Но и тут немало разночтений. Скажем, некоторых считают погибшими во время восстания военнопленных в лагере Бадабер (Пакистан), других будто бы позже вычисляли в рядах мятежников. Однако достоверно известно то, что Петровский стал жертвой не учтенной им солдатской мудрости: «Афганистан – страна чудес, пошел в кишлак и там исчез».

«Дошман нис!»

(Олег Черемных, продолжение)

«...Прибыв в указанный район, мы максимально загрузились боеприпасами, а еду почти не брали. Командование заверило нас перед выходом, что операция продлится два дня. Потом вместе с царандоем (афганская милиция) двинулись в горы. Сначала афганцы шли впереди, как было установлено приказом. А через два часа они образовали внушительный арьергард! У кого шнурок развязался, кто-то ремни поправлял или воду пил. Приходилось перестраиваться, восстанавливать боевой порядок, так что темп движения был потерян сразу. Справа и слева в составе взводов шло боевое охранение. Начиналось по уставу...

В первом кишлаке все было нормально, хотя у батальонного начальства и чесались руки пострелять. На окраине нас встретили старики и сказали, что в кишлаке никого нет – все население ушло в горы. О причинах такого повального бегства как-то никто не задумался.

Расположились мы тут же, на земле, организовали чай. Угостили стариков сахаром, сгущенкой, сигаретами и говяжьей тушенкой. В кишлак батальон не заходил. Нас угощали теплыми лепешками, и опять никаких сомнений не возникло – а кто их выпекал, если все сбежали в горы?

Уходили мы мирно. Вдруг от батальонного командования

поступил приказ взорвать дом в кишлаке, якобы там духи пристанище находят или он принадлежит главарю одной из банд. Обычная формулировка, скорее для отчета. Если бы это точно было, то вошли бы, обыскали. А батальону на время боевого выхода был придан взвод саперов. Они пытались взорвать дом, но что-то у них не сработало.

Через сутки в другом кишлаке повторилось то же. Старики, чай, лепешки и обычное «дошман нис, дошман нис». Кишлак будто вымер. Их старики всегда отчаянно мотали бородами, повторяя это – «душманов нет». А когда мы спрашивали, где они, то неопределенно указывали на горы или «зеленку».

По пути во время преследования был убит мятежник. Решили, что это китайский военный инструктор – необычный цвет кожи, разрез глаз, хорошая экипировка, к тому же необрезанный. И опять никто не задумался, почему такой «дикий гусь» крутился возле нас. Поздно мы поняли, что по всему маршруту нас «вели». Кстати, мы видели всадников на высотах, впереди – дымки на вершинах.

Вот задаю через многие годы сам себе вопрос: возможно ли было на уровне дивизии ради одного пропавшего солдата спланировать такую операцию? Тем более что заканчивались Олимпийские игры? Они же были «кастрированными» именно из-за нашего военного присутствия в Афганистане. Ведь тогда даже чихнуть без разрешения не смели!

Полагаю, что на проведение операции указание дал штаб

армии, тем более что она была совместной с «бравым» царандоем. Да не афганцы ли выпросили этот поход? Дело в том, что район кишел отрядами мятежников – рядом были северные выходы на Пандшер. В этих местах не было и следа кабульской власти. Скажем, в Кишине и днем-то было не просто, а ночью вся демократическая власть сидела за высокими заборами с оружием на изготовку. И все окна в их комитетах были заложены мешками с песком».

Мятежный Кишим

Кишим – центр одноименного уезда афганской провинции Бадахшан. Это северо-восток Афганистана. Бадахшан граничит с Таджикистаном (север), Пакистаном (юг) и Китаем (восток). На западе Бадахшан примыкает к провинции Тахар. В 1980-х годах в Кишиме проживало около шестидесяти тысяч человек. Основное занятие – сельское хозяйство, прежде всего скотоводство, хлопок, опийный мак, местные ремесла, торговля, примитивная добыча изумрудов, лазурита. Национальный состав – это таджики, памирцы, узбеки. По вероисповеданию среди жителей города преобладали мусульмане-сунниты, исмаилиты. «Пудар» – героин на местном жаргоне – там водился и в начале восьмидесятых.

На пути из Кундуза в Кишим, а это около 100 км, боевые действия против «неверных» вели полевые командиры Мухаммад Вадуд, Инженер Умархон, Пахлавон Ибрагим, Кази Исламутдин, Ишон Мирзо, Джан Али, Арьянпур, Инженер Басир. (Это, что называется, «свои». Хватало и кочующих отрядов.) Каждый имел под своим командованием отряды численностью от 300 до 700 бойцов. По данным советской разведки, в Бадахшане и Тахаре насчитывалось около 14 тысяч мятежников. От нехватки оружия и боеприпасов они не страдали, поскольку дружественный им Китай и единый Пакистан были рядом. Информация о том, что бо-

е припасы поступали также с территории СССР, требует тщательной проверки. Скорее всего, это были частные контакты в ходе спецопераций по разложению противника или результат преступных сделок отдельных советских граждан. В этом районе, кроме гарнизонов 201-й мсд, 56-й одшб и 860-го омсп, находились провинциальные группы «Каскад» (КГБ СССР) и «Кобальт» (МВД СССР) численностью до 10–15 человек каждая, не считая охраны и водителей бронетранспортеров, которые были военнослужащими срочной службы.

«Распяли по-афгански»

(Олег Черемных, продолжение)

«...На подходе к Шаеста саперы поймали мула, навьючили на него взрывчатку, боеприпасы, детонаторы, кое-какой скарб. Животное оказалось на редкость выносливым, но вскоре стало сущим «троянским конем».

В очередном кишлачке нас уже не встречали, и мы зашли в крайний дом, где обнаружили древнего старика. Пока переводчики пытались с ним поговорить, ребята осмотрели двор и нашли дверную створку с очень странными следами. Гвозди, пятна крови, контур тела на обожженной поверхности. Похоже, кого-то жгли паяльной лампой, пригвоздив к этой двери.

Перевернули весь дом, сарайчики. Обнаружили солдатский ремень, подсумок, помеченные зеленой шариковой ручкой. С этого все и началось. До сих пор мне стыдно вспоминать, как месили старика. Избили, думаю, до смерти. Все просто озверели. А через несколько минут начался обстрел с гор. Били в нас прицельно и прижали к дувалу. Мы были как на ладони. Во двор сбежалось много бойцов. Ответный огонь только усиливал сумятицу. Никто не видел противника. Не помню, как мы оттуда выбрались, сколько потеряли убитыми, но сосредоточились уже за кишлаком и двинулись дальше.

Через какое-то время мы втянулись в узкое ущелье. Пошли в колонну по одному. Было неуютно – ловушка, и все тут. Поэтому, когда ротный, старший лейтенант Назаренко, увидел расщелину, ведущую вверх, то решил с одним из наших взводов и саперами обеспечить прикрытие колонны с господствующей высоты. Я поднимался рядом с Назаренко. С нами был пулеметчик Роман Щур. Выбрались на гребень, увидев впереди небольшой бугор с камнями. Вот оттуда, когда мы отошли от расщелины шагов на сто, в упор начал по нам работать ДШК (крупнокалиберный, 12,7-мм, пулемет. – *Прим. авт.*). Одна из очередей попала в мула, и боеприпасы рванули вместе со взрывчаткой. Сапер, который тянул за веревку этого «трофейного коня», остался цел, только взрывом откинуло так, что веревку из рук не успел выпустить! Огонь был плотный, кроме того, начал работать снайпер. Вот тогда у нас появились первые потери. Роману Улитину снесло пол-черепа. Повязку накладывали прямо на мозг, но парень оказался живучим. После боя мы его спустили вместе с погибшими и ранеными вниз и на следующий день «вертушкой» отправили в госпиталь. Я его потом уже в октябре встретил в госпитале, в Мары. У Романа была нарушена речь, но, по моему, парень выкарабкался. К нему в госпиталь приехала мама и за ним ухаживала.

В общем, попали мы крепко. Вызвали «вертушки». Мы их корректировали дымами, но они работали с большой высоты, так что доставалось и нам. Площадка-то была неболь-

шая. Ротный принял решение обойти противника с фланга и уничтожить пулеметное гнездо. Взял с собой радиста, пулеметчика, двух автоматчиков и меня. Промоиной зашли во фланг. Затем нужно было преодолеть метров сто открытого пространства. Так бегать и вести огонь мне еще не приходилось. В общем, с позиции мы «духов» выбили. Кого-то из них подранили, потому что остались пятна крови. Но «духи» ушли и пулемет утащили по такой же промоине вниз, к реке. А вот снайпера, работавшего на прикрытии, прозевали. Пока мы с Романом Щуром переводили дух и осматривались, ребята начали перевязывать раненых, разыскивать убитых. Я решил закурить и попросил у Романа спички, у меня закончились. А курили мы в то время «Север». Роман сидел напротив меня, привалившись к валуну спиной. Когда он ки-нул мне спички и я нагнулся, прозвучал выстрел, и пуля ударила в камень над моей головой. С тех пор я знаю, что курение иногда продлевает жизнь. В общем, повезло. А заодно и снайпер себя обнаружил. Бежать ему уже было некуда.

Потом мы спускались, вынося убитых и раненых. Ноги подкашивались. Батальон в это время осваивал местность внизу под ночлег и в бою не участвовал. Ночь прошла беспокойно. Все время было ощущение, что противник рядом. Да и царандоевцам мы не особенно доверяли. Они под утро ухитрились спровоцировать перестрелку между нашими подразделениями. Помню, к рассвету четверо тяжелораненых скончались. Остальных загрузили в «вертушку», на-

шли ей пятак для посадки. Рано позавтракали, чем было. У меня в кармане лежал сухарь и два кусочка сахара, вот и все припасы. Расчет-то по времени вначале был другой.

Новый день – новое ущелье. Да там весь рельеф такой – расширение, долина, кишлачок и опять каменная щель. И снова наша рота в голове колонны. Прошли спокойно около километра. Батальон еще не успел втянуться, когда начался обстрел. Стреляли отовсюду: и сверху, и сбоку, и с тыла. Полоска берега у реки оказалась узкой, справа отвесная стена, укрыться было негде. Да еще наткнулись на участок, где ущелье перегораживали два огромных валуна. Между ними – узкая щель. В надежде укрыться мы протиснулись под огнем за валуны, но там оказалось еще хуже.

Командир нашей роты, гвардии старший лейтенант Виталий Назаренко, связался с батальоном, прося поддержки, но ему ответили, что не могут продвинуться, путь к нам отрезан плотным минометным огнем. Назаренко решил отступить. Первая попытка провалилась. Противника мы не видели, просто вели огонь в сторону выстрелов. Нам еще раз пришлось протискиваться между валунов, и когда пришла моя очередь, ротный увидел «духа». Тот выцеливал, не скрываясь. Назаренко вытолкнул меня из-под выстрела, и тут же его отбросило назад. Пуля попала Виталию в голову.

За валунами было небольшое мертвое пространство, однако засиживаться не стоило – хватило бы на всех парочки мин или гранат, брошенных сверху. Командование ротой я

взял на себя, распределил, кто кого выносит, кто прикрывает огнем, и через какое-то время пошли на прорыв. Нам удалось отойти под старые деревья, которые росли на выходе из ущелья. Противник не смог вести прицельный огонь, а у нас появилось время помочь раненым. Через какое-то время, проскочив полосу разрыва мин, мы соединились с основными силами батальона. Я доложил начальнику штаба о потерях и о том, как вырывались из «мешка». Начальник штаба поблагодарил и пообещал, что я буду представлен к государственной награде, за что я послал его в ж... Еще зачем-то добавил, что ротный собирался через несколько дней в отпуск к жене и сынишке. Вот и ушел благодаря вашему оперативному таланту в вечный отпуск. После такого ответа с меня тут же сложили командование ротой и передали оставшемуся в живых командиру взвода.

Огонь со стороны душманов утих, батальон начал подниматься на плато, чтобы обеспечить посадку «вертушек» за убитыми и ранеными. И это оказалось роковой ошибкой. Нас неожиданно взяли в такое кольцо минометного и пулеметного огня, что все происшедшее раньше показалось репетицией. Саперные лопатки мы с собой не брали, и вгрызаться в скалистый грунт приходилось при помощи штык-ножей, автоматных шомполов, рожков и рук. Теперь я знаю, что шомполом и голыми руками можно отрыть окоп.

В этом бою почти все наши офицеры или погибли, или были ранены. Их выбивали прицельно. В общем, мы застря-

ли. Ни вниз в ущелье, ни наверх. Думаю, что именно тогда, в ночь на третье августа, на помощь отправили разведбат и подразделения 860-го мотострелкового полка из Файзабада, у них была хорошая горная подготовка. Стрелков перебросили на вертолетах с «Утесами» (крупнокалиберный, 12,7-мм пулемет. – *Прим. авт.*) и станковыми гранатометами. Прыти у «духов» поубавилось, потом они и вовсе растворились в ущельях. А про разведчиков мы узнали уже утром четвертого августа. Рассказывали, что разведка пошла тем же путем, что и мы. Две роты в итоге попали в аналогичную засаду, а радиостанция «сбежала» на афганском ишаке, и «духи» ночью даже не стреляли в раненых, а просто добивали камнями, снимали оружие, амуницию.

Раздумывая над событиями тех дней, я пришел к выводу: если бы в августе 1980-го в Союзе народ узнал о таких потерях, то Афган завершился для нас намного раньше. Вот такая мысль...»

Гвардии старший лейтенант Виталий Назаренко

(Выписка из «Книги Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане»)

«Назаренко Виталий Константинович, старший лейтенант, командир мотострелковой роты, род. 20.11.1953 г. в г. Хабаровске. Русский. В Вооруженных силах СССР с

31.8.1971 г. Окончил Дальневосточное ВОКУ. В Респ. Афганистан с февраля 1980-го. Его рота 31.7.1980 действовала в качестве головной походной заставы, при выдвижении по указанному маршруту была внезапно обстреляна и остановлена мятежниками. В завязавшемся жестоком бою Н. умело и уверенно командовал ротой и обеспечил вступление в бой главных сил батальона. Находясь на КНП роты, Н. был смертельно ранен. Нагр. орденом Красной Звезды (посмертно). Похоронен на родине».

Для справки. Книга Памяти составлялась на основании данных, представленных военкоматами, ветеранскими организациями и близкими погибших воинов. Первоисточником являлись те же письма командования из войсковых частей. Эти письма были скупы, осторожны, обтекаемы и подвергались цензуре. Более полное описание заслуг или подвига военнослужащего мог бы дать наградной лист (представление к государственной награде), но эти документы имели гриф «Секретно по заполнению».

«Похоронка»

Ниже приводится текст извещения о гибели капитана А. Жукова, начальника штаба 783-го орб. Фотокопию документа предоставила вдова офицера Наталья Жукова. Пожелтевшая половинка стандартного листа, графы с подстрочниками и все та же фиолетовая копировальная бумага. Угловой штамп и время исполнения документа отсутствуют (орфография документа сохранена).

«ИЗВЕЩЕНИЕ № (неразборчиво)»

Прошу известить гр. ЖУКОВУ Наталью Алексеевну, проживающую (проживающего) в г. Душанбе, ул. Маяковского, 37, кв. 13, в том, что ее (его) муж, начальник штаба в/ч пп 53336 ЖУКОВ Александр Васильевич, 1952 г. р., выполняя боевое задание, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 3 августа 1980 г.

Печать войсковой части пп 53336

ВРИО командира войсковой части полевая почта 53336

(воинское звание неразборчиво)

(подпись) СЛОБОДЯНЮК ВРИО начальника штаба войсковой части пп 53336 капитан (подпись) НАЗАРЕНКО.

Для справки. Извещение о гибели капитана Жукова подписал его невольный преемник капитан Л. Назаренко. Правда, непонятно, какого числа. И уж

совсем нехорошо, что этот документ, предназначенный для военного комиссара Душанбе, был вручен непосредственно жене погибшего капитана без каких-либо объяснений. О военной судьбе капитана Жукова будет рассказано подробнее, а пока представим себе состояние молодой женщины с двумя малыми детьми на руках, которая получает вторую похоронку, где о гибели ее мужа сообщается за его же подписью! (Из-за чьей-то оплошности семье была отправлена «похоронка» на старом бланке, заранее подписанном А. Жуковым. — *Прим. авт.*) Представьте себе вдову у гроба, который не разрешают вскрыть, а окошечко в нем замазано изнутри белой краской. Да и гроб намного короче, чем капитан был при жизни...

А такой вот нюанс. Когда Наталья Жукова пришла оформлять страховку на погибшего мужа, «канцелярская крыса» отчетливо сказала: «Вот ради чего они отпускали мужей в Афган»...

Александр Кривов, 783-й орб

«Вас ввели в заблуждение относительно моего участия в данной операции. Я служил в четвертой роте. А участвовали в операции 1-я, 2-я и 3-я роты. Из нашей роты на операции был только рядовой Рахимов в качестве переводчика, он погиб. Я в этот день был дежурным по батальону и только принимал погибших. Помню, доставили начальника штаба (он

погиб первым), а потом в течение дня остальных».

Для справки. Возможно, следует читать не «в течение дня», а суток? К погибшим разведчикам первой роты удалось подойти только утром 4 августа.

«Выдай эти события за Отечественную...»

(Июль 1981-го, редакция газеты 201-й мсд «За честь Родины»)

«Политотдел недоволен. Мало героических примеров в газете. – Редактор выложил стопку пожелтевших листов. – Это копии наградных, сделай заметки по каждому. Ребята – герои, погибли».

«Коля, нам раненых не показывать! В окружной газете тельняшку на фото замазывают, мол, нет десантуры в Афгане! Нет войны. А здесь – «пал смертью храбрых»!»

«Ну, выдай за Отечественную, как в окружной газете, или за Гражданскую, с басмачами, это еще интересней».

«А за Куликовскую?» – огрызнулся я, но редактор уже был далеко... Последняя надежда, что наградные листы не имеют грифа «секретно по заполнению», отпала сама собой. Это были представления к знаку ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», а следовательно, как и все в комсомоле, – доступными для общего пользования.

Бледно-фиолетовых копий было не менее двадцати. Описания подвигов сводились к тому, что военнослужащий (имярек, год рождения, национальность, воинская специальность и пр.), проявив мужество (стойкость, отвагу, героизм), выполняя интернациональный долг, погиб 3 августа в бою

с мятежниками у д. Шаеста. В двух листочках упоминался уездный город Кишим.

На карте-пятикилометровке Кишим значился. Я даже успел в нем побывать по пути в Файзабад, а вот Шаеста куда-то исчезла. Ладно, дело обычное. Уже был опыт. Как-то вышли по карте в одну «точку», да еще сборной колонной, и если бы задницей не почувствовал, что не туда «летим», то и рассказа этого не было бы.

Советская армия чем была сильна? Ворчи, ругай начальство, но приказ выполни. Нет, не за совесть или страх, просто в ином случае рано или поздно будешь спрашивать сам себя: кто ты и для чего ты есть? За сущность, значит. Я поплелся через взлетную полосу к старшему лейтенанту Хмелевскому, освобожденному секретарю комсомольской организации 783-го отдельного разведывательного батальона, выяснять подробности героической гибели его сослуживцев.

Для справки: 783-й отдельный разведывательный батальон сформирован 1 декабря 1972 года. 22 апреля 1975 года Указом Президиума ВС СССР батальону вручено Боевое Знамя части.

С 14 февраля 1980 года батальон находился в Афганистане и последним покинул его территорию 15 февраля 1989 года, замыкая вывод советских войск из ДРА на участке госграницы Хайратон – ОКПП «Термез».

С 1990 по 2000 год 783-й отдельный разведывательный батальон принимал активное

участие в защите конституционных прав граждан в условиях чрезвычайного положения в Республике Таджикистан, осуществлял охрану важных государственных объектов, провел ряд антитеррористических операций, обеспечивал безопасность передвижения колонн с беженцами и гуманитарной помощью.

Упомянутая мной газета – многотиражка 201-й мотострелковой дивизии. В 1943–1945 гг. (Ленинградский фронт) называлась «Красноармейское слово», в 1980–1989 гг. (Афганистан) – «За честь Родины», с 1993-го по настоящее время – «Солдат России» (печатный орган 201-й российской военной базы в Таджикистане, Душанбе).

«Лучше не спрашивай!»

«Старший лейтенант Хмелевский – сущий Дон-Кихот в молодости. Долговязый, угловатый, пшеничные усы торчком. Образ усиливала фуражка с высокой тульей, необмятая полушерстяная полевая форма того времени и портупея с большой черной кобурой. В тот день Хмелевский дежурил по части. Радость его при встрече была искренней, поскольку комсомольцам всегда не хватало рисовальной и писчей бумаги, фотопленки и реактивов, а в газете всем этим можно было разжиться за сухой паек, мыло и прочее. Да и вообще, политработники в Афганистане быстро находили друг с другом общий язык. Не потому, разумеется, что «ворон ворону...», а скорее из тоски душевной. Ну кто же способен откровенно поговорить с замполитом, если не его собрат. Командир, а тем более солдат, еще подумает. Это контрразведчику надо выкладывать все про всех и про себя и быстрее, а политработнику по душе, по желанию, значит. Многие не желали.

– Меня тогда еще не было. Шаеста – в августе прошлого года, а я в декабре пришел, – подозрительно быстро открылся Хмелевский.

– Ну, хоть что-то знаешь. И не говори, что ни слухом ни духом... Тут двадцать «двухсотых» оказалось, что там произошло?

Хмелевский нервно оглянулся.

– Понимаешь, есть договор у «стариков» о Шаесте поменьше рассказывать. А «двухсотых» там было сорок восемь или сорок девять. Наши и еще со сто сорок девятого полка, вертолет, говорят, на склоне навернулся тоже. Ну и раненых полсотни. Было так, что мне, конечно, известно. Вошли рано утром в ущелье, а там засада. Так и выбили тех, кто шел впереди. Трупы только через день удалось вытащить, когда «духи» ушли. Не подпускали...

– Что, связи не было? Помощь вызвали бы!

– Была связь. Но убежала. Правда или нет, но говорят, что радиостанцию они на ишака погрузили, а тот при обстреле взбрыкнул, сбежал. А потом поздно было. Комбата старого сняли, в Союз отправили. Еще говорили, что комбата чабан предупредил о засаде, но он не поверил. Многие сразу погибли, в первые часы. В штабе тоже не поверили поначалу, что там такое творится. Вот все, что я знаю.

– Кто-то же остался сейчас из очевидцев? Офицеры? Расскажут?

– Попробуй, только не навись. Говорю же тебе, не принято язык развязывать, «табу» на этом деле. Ватманом не поможешь? И красочки типографской, разной. Белая у меня есть.

Зря я Хмелевскому не поверил. В тот же день выслушал парочку настороженных и даже презрительных вопросов: «А зачем тебе это надо?» К вечеру и вовсе было отече-

ское внушение интеллигентного на вид начальника дивизионной контрразведки, чьи апартаменты примыкали к политотделу. Все, что удалось выяснить, изложено выше. Да, еще появилась фамилия неудачливого комбата – майор Кадыров. По рассказам, после таких потерь его понизили в должности до замначальника штаба батальона, а потом и вовсе отправили в Союз. Он-то и командовал этой батальонной операцией у таинственной Шаеста. Еще был упомянут кишлак Яварзан. Этот, слава топографам, на карте был указан при дороге южнее Кишима. Шаеста на карте потом нашлась, но это была гора-трехтысячник».

Собственно, на этом афганская часть истории о бое у Шаеста заканчивается. Приведу тому две причины. Я был молод, подготовлен телом и духом к испытаниям и хотел писать о том, что видел сам, в чем принимал участие. Считал в то время постыдным делом, находясь на войне, писать о ней по рассказам других. А еще опасался «неудобными» расспросами насторожить разведчиков, поскольку выходы «на боевые» с ними были наиболее интересными, могли бы попросту и не взять. О нас ведь как часто думали: не все следует видеть журналисту, обязательно разболтает! Или что-нибудь придумает. Или вообще не поймет, что к чему.

Я, к примеру, не сообразил в ту пору, что 3 августа 1980 года закрывались Олимпийские игры в Москве, те самые, что проигнорировали США и иже с ними. Они, видите ли, обиделись на СССР из-за нашего военного присутствия в

Афганистане.

Может быть, именно в этом причина, что руководство Вооруженных сил по указке сверху замолчало трагические события в Бадахшане? Попробуй сообщи всенародно в такой праздник, что, пока парит над Москвой толстый резиновый Миша, в Афгане, неподалеку от границы великой державы СССР, душманы убивают роту советских разведчиков. И это в Афганистане, где и войны никакой нет! Где мы не принимаем участия в вооруженных столкновениях местных группировок, а только помогаем строить мирную жизнь, охраняя мосты и дороги, строя мечети и школы, взорванные врагами «апрельской революции».

Еще через год, в начале августа 1982-го, ко мне зашли начальник штаба разведбата капитан Турбанов и замполит капитан Багдасаров. Леша и Саня соответственно. На подходе они ругались черными словами, укоряя друг друга. А ведь дружили, да и воспитанные ребята были. Что случилось? Багдасаров промолчал. А Турбанов неохотно признался, что весь сыр-бор из-за Шаеста. Батальон собрался помянуть погибших два года назад ребят, а замполит получил свыше приказ такое мероприятие категорически запретить, что он и сделал от своего имени перед строем, заслужив осуждение всего батальона. Зря, конечно, на «комиссара» всех собак спустили. Приказ такой вышел из политотдела дивизии, это я позже уточнил. Но сначала мелко так подумал, что раз помянуть, то и выпить надо, вот они и запретили. Мыслей о

другой причине «пресечения» тогда не было.

А еще через шесть лет, в августе 1988-го, в изумрудной Виннице на фестивале афганской песни я услышал, как объявили, что очередная баллада посвящается разведчикам, погибшим у Шаеста. За грохотом ударников и звоном электрогитар баллады я не расслышал, но исполнителей отыскал. За сценой Зеленого театра шли по кругу бутылки и стаканы. Меня приняли, а вот за вопрос о Шаеста наградили долгой паузой и невразумительным ответом, мол, автор песни куда-то отошел. Как-то вдруг «братаны афганские» заскучали, заторопились. Возможно, явное отчуждение вызвали майорские погоны, значок Союза журналистов СССР. Да и то сказать, я тогда стоял в кругу недавних солдат, на чьем жаргоне некая часть офицеров в Афганистане именовалась «шакалами».

О «Воинской доблести» и военной цензуре

Для справки. Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» учрежден 12 марта 1968 года. Представляет собой победный символ Советской армии – пятиконечную звезду, выполненную из томпака под цвет золота, обрамленную лавровым венком (нейзильбер под цвет серебра). Вверху венка – рельефное изображение серпа и молота, внизу сделана на ленте надпись: «Воинская доблесть». Согласно Положению, знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» награждались «... военнослужащие, добившиеся высоких показателей в боевой и политической подготовке, за мужество и отвагу при исполнении служебных обязанностей...» и еще много разных лиц, хоть каким-то боком участвовавших в подготовке молодежи к войне.

Первыми кавалерами знака ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» стала группа воинов-пограничников – участников вооруженного конфликта на острове Даманский в марте 1969 года. Кроме того, среди награжденных – А. П. Маресьев, маршалы Г. К. Жуков, И. С. Конев, А. И. Покрышкин.

Награжденному вместе со знаком вручалось удостоверение. Последнее абсолютно точно, поскольку автору этого исследования осенью 1981 года в Кундузе был дан такой знак.

Именно дан рукой дивизионного комсомольца вместе с удостоверением. Правда, в книжечке была затерта фамилия законного владельца. Наверное, поэтому я этим знаком не дорожил и через три года в Ташкенте без сожаления отдал его майору Федору Маспанову, у которого от звезды отклеился и пропал профиль Ленина. У Феди не было других наград, а «Воинская доблесть» ему была нужна позарез: он был начальником отдела комсомольской жизни в окружной газете ТуркВО «Фрунзевец».

Военная цензура на уровне дивизионных газет возлагалась, как правило, на начальников штабов в целом и на начальников «восьмых» отделов (секретная часть) в частности. Сборники сведений, запрещенных к публикации в открытой печати, хранились в «секретке» и действительно тогда казались секретными. Тем не менее, имея допуск, военные газетчики знали, что нельзя показывать в Афганистане участие наших войск в боевых действиях, наличие там воздушно-десантных войск, убитых и раненых, воинские преступления, потери боевой техники, называть фамилии командиров частей выше командира батальона (для дивизионных газет) и многое другое. Ну, это понятно, а вот почему нельзя было упоминать девичью фамилию матери Владимира Ульянова? Ладно, время такое было, сказочное во всем – как сказано, так и делай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.